

Алексей Николаевич Леонтьев
как психолог и педагог
(К 100-летию со дня рождения)

А.А. Леонтьев

Имя Алексея Николаевича Леонтьева неотрывно от имени его учителя и друга Льва Семеновича Выготского. А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, А.В. Запорожец, П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин, Л.И. Божович – представители школы Выготского, и каждый из них – гордость российской психологии. К той же школе относится более позднее (увы, сейчас не скажешь – молодое) поколение – это, например, покойный В.В. Давыдов, В.П. Зинченко и многие другие, в том числе автор данной статьи.

Мне и сложнее, и проще, чем кому-либо, писать об А.Н. Леонтьеве. Сложнее потому, что это мой отец, и мой взгляд на него и на его научное наследие не может не быть в чем-то субъективным. Проще потому, что – по крайней мере, в последние десятилетия его жизни – я знал и, осмелюсь сказать, понимал его лучше многих других, так как нас связывали не только родственные узы, но и принадлежность к одной научной школе, отношения учителя и ученика.

Алексей Николаевич относится к тому поколению российских ученых, которые воспитывались еще до революции, но научная деятельность которых складывалась уже в послереволюционные годы. На их плечи легла почти непосильная задача: не теряя всего богатства идей, фактов, концепций, накопленного мировой психологией за ее историю, синтезировать его с марксистской философией и переосмыслить под углом зрения господствующей идеологии. Разные ученые решали эту задачу по-разному. Большинство из них, особенно в 20-е годы, шли по простейшему пути,

подменяя марксизм вульгарным, механическим материализмом. Лишь немногие психологи, и в их числе Л.С. Выготский и его школа, отличались настолько высоким уровнем философского образования и обладали настолько широким видением психологии в ряду человековедческих наук, что их труды легли в основу подлинно марксистской психологии и были приняты мировым научным сообществом как факт действительной науки.

В годы тотальной идеологизации гуманитарных наук, связанной со стремлением вытеснить за пределы науки все то, что не совпадало с господствующей идеологией, именно эти люди и их сотрудники и ученики оказались хранителями научно-психологического знания, связующим звеном между классической психологией и современностью, а после того, как приоткрылся, а потом совсем исчез «железный занавес», – и полпредами отечественной науки перед лицом мирового научного сообщества.

Все сказанное особенно важно понимать, когда мы говорим об А.Н. Леонтьеве. Многим хотелось бы, чтобы его воспринимали как «официального» психолога. Да, Леонтьев был не только научным, но и формальным лидером советской психологии, он печатал «установочные» статьи в журнале «Коммунист», был бессменным деканом факультета психологии МГУ, академиком-секретарем и вице-президентом Академии педагогических наук, президентом Общества психологов СССР и т.д. И однажды, уже в середине 80-х годов, два леворадикальных немецких психолога маоистского толка даже опубликовали статью о Леонтьеве с вызывающим названием «Человек на все времена года», где пытались доказать, что он был партийно-государственным функционером, послушно реализовавшим официальную позицию, какой бы она ни была, и менявшим свои убеждения как перчатки, в зависимости от политической погоды.

Таких «людей на все времена года»

в нашей науке (а вернее – около нее) хватало. Но все дело в том, что Леонтьев был совсем другим человеком.

Он не занимался передачей и воплощением начальственных указаний. Скорее наоборот: пользуясь доверием властей, он постоянно «тербил» их, добиваясь решений, компетентных в научном отношении и идущих на пользу и обществу в целом, и самой науке. Это ведь благодаря ему возродилась из пепла эргономика или инженерная психология (в «девичестве» психотехника, разгромленная в конце 30-х годов), вернулась в большую науку объявленная тогда же антимарксистской и тоже разгромленная социальная психология. Это при нем отделение психологии МГУ преобразовалось в факультет, и благодаря ему еще до фактической реабилитации Выготского на этом отделении были собраны почти все его ученики – Гальперин, Эльконин, Запорожец, Лурия, Божович, развивавшие идеи Выготского в своих лекциях и научных трудах. Это он открыл новый психологический журнал – психологическую серию «Вестника МГУ». Это с его подачи в Академии наук СССР был создан Институт психологии. Это его усилиями возникла особая ВАКовская специальность – «психологические науки».

Кем же он был, что он оставил нам в психологии и педагогике?

Алексей Николаевич Леонтьев родился в Москве 5 (18) февраля 1903 г. в семье финансового работника. Он учился в реальном училище, а затем на факультете общественных наук Московского университета. В 1924 г., закончив университет, он стал научным сотрудником Психологического института и начал работать под руководством А.Р. Лурия. Как раз в это время в институт был принят на работу молодой ученый из Гомеля Лев Семенович Выготский. Он быстро сблизился с Лурия и Леонтьевым и естественно стал лидером этой группы. Именно Выготский предложил ту

программу совместных исследований, которая позже стала известна под названием «культурно-историческая теория».

Как психолог Леонтьев формировался в годы совместной работы с Выготским и Лурия. Тогда, в 20-е годы, он опубликовал одно из первых своих замечательных исследований «Опыт структурного анализа цепных ассоциативных рядов» (1928). Там было показано, что цепочки ассоциаций определяются и направляются смысловыми факторами, лежащими глубоко «за» этими внешними проявлениями, по существу – личностными смыслами (хотя сам этот термин появился в работах Леонтьева почти через 20 лет). Другая статья тех лет, написанная совместно с Лурия, – «Исследование объективных симптомов аффективных реакций» (1926) – стала в своем роде классической, именно в ней впервые сформулирована идея овладения аффектом через речевой выход. Но в основном это все-таки была система идей Лурия, позже отразившаяся в его получившей мировую известность монографии «Природа человеческих конфликтов» (впервые была издана на русском языке в 2002 г.).

Мысли и принципы Выготского и его школы (к ней постепенно примкнули молодые ученые – А.В. Запорожец, Л.И. Божович и др.) были чужды тематике и интересам Института психологии и его директора К.Н. Корнилова. Поэтому Леонтьев вместе с Лурия перешли в Академию коммунистического воспитания, работая также во ВГИКе, ГИТИСе, в созданном усилиями Выготского Экспериментальном дефектологическом институте (сейчас это Институт коррекционной педагогики Российской академии образования) и в других местах.

Выготский поставил перед своими учениками и сотрудниками следующую общую задачу. Как известно, главная идея культурно-исторической теории – обусловленность развития отдельных психических функций и психики человека в целом воздействи-

ем на них «извне» – при помощи орудий и «психических орудий», т.е. знаков. Как писал Выготский, «есть все основания предположить... что культурное развитие заключается именно в овладении такими вспомогательными средствами поведения, которые человечество создало в процессе своего исторического развития и какими являются язык, письмо, система счисления и др.»* Но такое важное предположение нужно было еще доказать. И вот ученики Выготского «поделили» между собой все высшие психические функции. Сам Выготский «взял» (вместе с Сахаровым) мышление, Лурия – эмоции, Леонтьев – память и внимание. Работа над культурно-историческим анализом памяти вылилась в законченную в 1928 г., но опубликованную лишь в 1931 г. монографию Леонтьева «Развитие памяти» с предисловием Выготского. Эта книга уникальна по широте охвата и глубине анализа даже и для наших дней.

К началу 30-х годов тучи над советской гуманитарной наукой заметно сгустились. В тюрьмах, лагерях, ссылках оказались П.А. Флоренский, М.М. Бахтин, А.Ф. Лосев – весь цвет русской философии, если исключить тех, кто вынужден был покинуть родину в начале 20-х годов, прежде всего С. Булгакова, Н. Бердяева, Степуна. Затем пришло время историков – Платонова, Тарле и других, время филологов – Селищева, Виноградова... Особенно старательно истребляли педагогов – погибли Залкинд, Пистрак и многие другие, надолго замолчал Шульгин, ушел в психологию Блонский, оказалась в изоляции Крупская. Закрывались институты, закрылась и Академия коммунистического воспитания, в газетах были популярно разъяснены троцкистские ошибки ряда сотрудников ВГИКа. И вот как раз в это время Наркомздрав Украины решил создать в Украинском психонев-

рологическом институте, который находился в тогдашней столице республики Харькове, сектор психологии. Для его создания в Харьков пригласили Выготского и его учеников.

Сам Выготский не принял этот подарок судьбы, и пост заведующего сектором был предложен Лурия. Но и он в Харькове не прижился, и руководителем сектора стал Леонтьев. Вместе с ним переехали Запорожец, Божович (вскоре она переселилась в Полтаву), часто приезжал ленинградский ученик Выготского Д.Б. Эльконин. В состав этой группы ученых, вскоре ставших называть себя «харьковской школой» или «харьковской группой», влились П.Я. Гальперин и группа молодых питомцев местного пединститута во главе с П.И. Зинченко. Расцвет «харьковской психологии» приходится на 1931–1934 гг., как раз на то время, когда там был Леонтьев, впрочем, и после возвращения в Москву оставшийся бесспорным лидером «харьковчан».

Вокруг харьковской школы всегда ходило много разговоров, хотя мало кто был знаком с ее научной продукцией – времени было мало, возможностей опубликоваться тоже, и множество исследований осталось в виде рукописей. Разговоры эти касались в основном причин переезда группы учеников Выготского в Харьков. Считалось, что произошел разрыв их с учителем. На основании подобных утверждений Леонтьеву и другим харьковским ученикам Выготского не дали даже выступить на его похоронах в июне 1934 года.

В действительности харьковская группа, хотя кое в чем расходилась с Выготским, оставалась частью его школы.

Научные контакты Выготского с харьковскими психологами никогда не прерывались. Харьковчане часто бывали в Москве, сам ученый то и дело

* Выготский Л.С. Проблема культурного развития ребенка // Педология, 1928, № 1, с. 59.

наезжал в Харьков. Совместно готовилась научная конференция, которой не суждено было состояться. А незадолго до своей смерти Выготский предпринял попытку вновь объединить всех своих учеников в стенах Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ). Леонтьев был приглашен Выготским на пост его заместителя по сектору психологии.

И наконец, продолжали существовать, несмотря на отдельные научные расхождения, довольно тесные личные отношения между Выготским и Леонтьевым. Разрыва между ними не было!*

Выготский умер через несколько месяцев, а Леонтьев, перешедший в ВИЭМ в конце 1934 г. на пост заведующего лабораторией генетической психологии, уже в апреле 1936 г., после обвинений в идеализме, закончившихся разбирательством в Московском комитете партии и увольнением из ВИЭМа, остался вообще без работы. К тому же как раз летом 1936 г. вышло печальное знаменитое постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов», в результате чего произошел разгром не только самой педологии (комплексной науки о развитии ребенка), но и детской психологии. Учеников Выготского принуждали заклеить ошибки их учителя, что все они, за исключением Л.В. Занкова, отказались сделать. Ситуация была накалена до предела. К счастью, осенью 1937 г. Леонтьев получил приглашение в Институт психологии, сотрудником которого он и оставался до начала 50-х годов. Он вновь вернулся к преподаванию во ВГИКе и ГИТИСе, вел исследования восприятия кинофильмов вместе с С.М. Эйзенштейном.

В 1937 г. вышла небольшая, но крайне агрессивная брошюрка Е. Рудневой «Педологические извращения Л.С. Выготского», где ясно говорилось, что часть его последователей – Лурия, Леонтьев, Ж.М. Шиф «и др.» – не разоружались. Этот печатный донос мог иметь следствием арест и гибель всех троих, но, к счастью, никто из них тогда не пострадал. Однако Леонтьев решил не быть «на виду» и принял приглашение работать в Ленинграде, в пединституте им. Н.К. Крупской, оставаясь там на 10 дней каждый месяц, а остальные дни работая в Москве. Так он и ездил из Москвы в Ленинград и обратно до самого начала войны.

Чем занимался Леонтьев в эти непростые для него 30-е годы? Мы можем судить об этом в полной мере только сейчас, после разборки его архива и посмертной публикации ряда его работ этого периода**.

Во-первых, это было филогенетическое развитие психики, или, проще говоря, формирование человеческой психики в ходе эволюции. В частности, Леонтьев занимался генезисом чувствительности, поэтому «кожное зрение», которым ему пришлось заниматься в Институте психологии, также входило в круг его интересов. Эти исследования были обобщены Леонтьевым в докторской диссертации «Развитие психики», защищенной в мае 1941 г. в Ленинграде, в ЛГПИ им. А.И. Герцена.

Во-вторых, это были проблемы сознания. Вопросы сознания и его формирования в детском возрасте, а прежде всего – философия сознания в связи с понятием отражения разрабатывалась Леонтьевым почти всю его жизнь. Не будем перечислять его публикации по этой проблематике – ос-

* См. Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А. Миф о разрыве: А.Н. Леонтьев и Л.С. Выготский в 1932 году // Психологический журнал, 2003, т. 24, № 1. – Здесь напечатано очень важное письмо Леонтьева Выготскому от 5 февраля 1932 г.

** Овладение учащимися научными понятиями как проблема педагогической психологии // Избранные психологические произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1983; Психологическое исследование речи // Там же; Материалы о сознании // Философия психологии. М., 1994; Методологические тетради // Там же, и др.

новные из них можно найти в «Проблемах развития психики», двухтомнике избранных работ Леонтьева и в «Философии психологии». Назовем также книгу «Деятельность. Сознание. Личность». Отметим только одну, самую главную особенность работ, посвященных названной проблематике: это постепенный выход на понятие значения (предметного значения) как ключевое понятие общей психологии и в конечном счете (в последних работах Леонтьева) – идея «семантического измерения» образа мира.

В-третьих, это психологическая концепция деятельности, разработанная Леонтьевым и его харьковскими коллегами как раз в середине 30-х годов. Ее развитие можно проследить по опубликованным уже в наши дни рукописям того времени: от статьи «Овладение учащимися научными понятиями как проблема педагогической психологии» к «Методологическим тетрадам» («Философия психологии») и циклу работ 1944–1947 гг., включающему, в частности, статьи по детской психологии и знаменитую статью «Психологические вопросы сознательности учения».

Идея деятельности как предметно направленной, целесообразной и мотивированной активности человека, имеющей определенную фазную структуру (ориентировка – планирование – исполнение – контроль) и определенным образом иерархически организованной (акт деятельности – действие – операция) восходит к К. Марксу и с разной степенью разработанности встречается у М.Я. Басова, С.Л. Рубинштейна и особенно Л.С. Выготского. Основная заслуга Леонтьева и его сотрудников не в том, что они «придумали» деятельность, как иногда полагают, а в том, что они «подложили» под концепцию деятельности, усвоенную ими у Выготского, весьма подробно разработанный концептуальный аппарат, позволяющий не только убедительно описать и интерпретировать процессы деятельности (причем в разных ее вариан-

тах – трудовой, игровой, познавательной, деятельности общения и т.д.), но и указать оптимальные пути формирования деятельности. Иначе говоря, школа Выготского дала последовательное психологическое обоснование процессу обучения и воспитания. Особенно известны теория поэтапного формирования умственных действий (теория управления усвоением) П.Я. Гальперина и теория развивающего обучения В.В. Давыдова, но они не являются чем-то совершенно отдельным, а составляют неотъемлемую часть общей концепции школы Выготского; истоки этих подходов можно проследить по работам А.Н. Леонтьева 30-х годов.

Эти работы убедительно демонстрируют еще одну важнейшую особенность исследований Леонтьева и его коллег. **Никогда не существовало никакой отдельной «теории деятельности»,** и недаром сам Алексей Николаевич очень не любил этого выражения и старался его не употреблять. **Теория Выготского – Леонтьева развивалась с самого начала как единая психологическая теория личности – деятельности – сознания!** Конечно, в разных статьях и выступлениях Леонтьев «высвечивал» разные стороны этого единого целого, по-разному расставлял акценты, но всюду сохранялась идея целостности психики человека и невозможности замыкать ее исследование только в рамках деятельности, а тем более в рамках сознания, рассматривая остальные категории как подчиненные.

Началась Великая Отечественная война, и в эти годы Леонтьев, как и другие психологи, работал на оборону. Он стал руководителем восстановительного госпиталя на Урале, в поселке Коуровка. Там вместе с А.В. Запорожцем, опираясь на учение Выготского о системном характере психофизиологических функций и на идеи видного физиолога Н.А. Бернштейна о построении движений, А.Н. Леонтьев показал, что оптимальный путь к восстановлению нарушен-

ных при ранении функций руки лежит не через механическую тренировку, а через специально организованную осмысленную предметную деятельность раненого. Эта работа Леонтьева и Запорожца была описана в их совместной книге «Восстановление движения. Психофизиологическое исследование восстановления функций руки после ранения» (1945).

В 1943 г. Леонтьев возвратился в Москву и возглавил сначала лабораторию, а потом отдел детской психологии в Институте психологии, одновременно являясь профессором кафедры психологии МГУ, которой руководил тогда С.Л. Рубинштейн. В следующее десятилетие была издана целая серия коллективно написанных книг по детской психологии, прямо адресованная учителям и воспитателям или, во всяком случае, ориентированная на педагогическую практику. Это «Вопросы психологии ребенка дошкольного возраста» (1948), «Очерки психологии детей (младший школьный возраст)» (1950), серия статей самого Алексея Николаевича в журналах «Советская педагогика» и «Дошкольное воспитание» и опубликованный в виде брошюры текст его публичной лекции для родителей «Умственное развитие ребенка» (1950). Внешне биография Леонтьева в эти годы более чем благополучна. Он становится заведующим кафедрой психологии МГУ (1951), вступает в Коммунистическую партию (1948), избирается членом-корреспондентом (1945), затем действительным членом (1950) Академии педагогических наук РСФСР, становится ее академиком-секретарем, а потом вице-президентом, получает медаль К.Д. Ушинского за цикл работ по детской психологии (1953), а в 1963 г. становится (за вышедшее в 1959 г. первое издание книги «Проблемы развития психики») лауреатом Ленинской премии...

Но это, так сказать, официальная биография. В реальной жизни происходило и многое другое, что в эту биографию не попало.

Как уже упоминалось, в 1947 г. был выпущен «Очерк развития психики». А в октябре 1948 г. состоялось его обсуждение в Институте психологии. Примерно в то же время Леонтьев «удостоился» разгромной газетной критики. Его обвиняли в отходе от ленинской теории отражения, в формализме, структурализме и в идеализме. Каждого из этих обвинений в отдельности в те годы с избытком хватило бы не только для того, чтобы потерять работу, но и чтобы попасть в тюрьму или ссылку. И был момент (в 1949 г.), когда Леонтьев – после открытого конфликта с тогдашним заведующим отделом науки и вузов ЦК ВКП(б) – ожидал всего этого. Но чаша сия его все-таки миновала.

В те же годы (1948–1950) массовые репрессии обрушились на генетиков, был учинен настоящий погром в физиологии. Само существование психологии как науки стало под вопрос, ее пытались подменить павловской физиологией высшей нервной деятельности. Леонтьев, бывший тогда не только лидером университетской психологии, но и курировавший эту тематику в АПН, вынес всю борьбу за существование психологии, можно сказать, на своих плечах.

Слава богу, через несколько лет все изменилось самым коренным образом.

В 50–60-е годы начались два новых, тесно взаимосвязанных цикла исследований А.Н. Леонтьева. Первый был посвящен проблеме психического отражения – здесь Леонтьев на новом «витке» вернулся к проблемам сознания. Этот цикл завершает посмертно опубликованный доклад об образе мира, являющий собой начало принципиально нового пути к проблеме сознания и отражения – пути, на который Леонтьев успел только ступить...

Второй цикл связан с проблемой становления и функционирования личности, и над этой тематикой Леонтьев не прекращал работать до самой смерти. В каком-то смысле он повторил здесь научную биографию своего учителя Выготского: тот тоже начал с

анализа развития отдельных психических функций, потом пришел к идее деятельности, а в конце жизни углубился в проблемы личности. Если сравнивать, чем книга «Деятельность. Сознание. Личность», изданная в 1975 г., отличается от впервые опубликованных в 1959 г. «Проблем развития психики», то становится ясно, что это как раз поворот в сторону психологии личности, а еще точнее – развивающейся личности в меняющемся мире.

Пересказывать теоретические идеи Леонтьева послевоенного периода – значит пересказывать содержание общей психологии сегодняшнего дня. Счастлив ученый, которого цитируют без указания работ, страниц, а то и самого имени, предваряя соответствующую мысль словами вроде: «как известно...», «наука утверждает, что...» и т.д. В этом смысле Леонтьев был счастлив.

Болезнь подстерегла Алексея Николаевича на очередном взлете его научной мысли. Он умер 21 января 1979 г. в Москве. Полтора годами раньше ему довелось проводить в последний путь А.Р. Лурия, и я помню, как щемяще прозвучала в его надгробной речи мысль о том, как мало отмерено ему самому.

Сейчас, когда всматриваешься в то, что он сделал за свою жизнь – и особенно если знать, в каких условиях и из каких побуждений он это делал, – нельзя не поразиться. В самые тяжелые для нашей психологии годы он не уронил ее чести. Он брал на себя самую тяжелую ношу – организационную, административную, моральную, не считаясь с тем, как это отразится на его собственной научной работе. И в конечном счете сделал меньше, чем мог бы сделать, но именно этой ценой он спас психологическую науку от уничтожения или деградации и обеспечил ее полноценное развитие на много лет вперед.

Если бы Леонтьев не оставил ни одной работы, посвященной собственно педагогике, было бы очень нетрудно сделать непосредственно пе-

дагогические выводы из его психологической концепции. Но такие работы, к счастью, есть, и выводы эти делал он сам. Если вдумчиво изучить его психолого-педагогическое наследие и постараться осмыслить его в его внутренней целостности, мы увидим, что из работ Леонтьева по педагогике и педагогической психологии встает облик «педагогике сотрудничества», «развивающей педагогике», вообще новой школы, о которой мечтали еще Блонский и Выготский, но которая не существовала в те десятилетия, когда Леонтьев писал о ней. Можно сказать, что он опередил время, и все то, о чем он говорил, стало вдвойне актуально, когда в нашем образовании грянула революция.

Во всех своих педагогических работах Леонтьев подчеркивал: учение – это не просто накопление в голове ученика знаний, умений и навыков. Это перестройка всей детской психики, скачок в духовной жизни ребенка, серия своего рода «взрывов», ломающих прошлый круг представлений и открывающих для ребенка новые перспективы. Сами по себе знания менее важны: важно, какое место они заняли в сознании ребенка, а особенно – «какой личностный смысл они приобрели для него и как вооружили его для жизни».

Нельзя, подчеркивает Леонтьев, рассматривать обучение только как чисто познавательный интерес, а воспитание – как особую, отдельную задачу «формирования эмоциональных, волевых и нравственных черт личности». Развитие ребенка – это комплексное развитие, прежде всего развитие его личности, в том числе мотивации учения. «Обучение должно не только давать знания и умения; важно, чтобы на этой основе оно более целенаправленно и быстро вело умственное развитие». Но «развитие, которое получает ребенок в школе, не может более рассматриваться как умственное по преимуществу»: это развитие **целостной личности ребенка**.

Главный путь в обучении – это путь **активизации учения**. Главное здесь в том, чтобы, «ставя учащихся перед

задачей, вместе с тем строго целенаправленно и последовательно **формировать** их деятельность, ведущую к овладению требуемыми знаниями и умениями, **управлять** ее формированием». Но у проблемы активизации есть и другая, не менее важная сторона. Только этим путем можно «готовить человека так, чтобы он мог идти в ногу с ускоряющимся научно-техническим прогрессом». И, добавлю, вообще готовить его, говоря словами Леонтьева, к «постоянной ориентации на новое» – в том числе и в социальной жизни. Однако сама организация внутренней жизни школы такова, что она не соответствует переменам в личности школьника и прежде всего – развитию его жизненных отношений, которые в старших классах уже выходят за рамки школы. И не способствует становлению у выпускников **самостоятельности**. Интересно, что Алексей Николаевич, по-видимому, отдавал себе ясный отчет в том, что наше общество через несколько десятилетий может коренным образом измениться (как и произошло в действительности): он вспоминал о том, что жизнь заставила перестроиться его поколение, но это, прибавлял он, очень тяжелый

путь. «Зачем предлагать его, если в наших силах избрать другой!» А ведь поколение Леонтьева пережило как раз фундаментальную смену социального строя и социальных ориентиров...

Леонтьев, конечно, не мог в те годы, когда об этом говорил и писал, обойтись без обязательных упоминаний о коммунистическом труде, социалистическом обществе и т.д. Но его основная позиция совершенно не устарела и сейчас. Вот она: «...Одно дело – формировать человека-созидателя, активного строителя жизни общества... подготовленного... к труду, не подчиняющему себе человека, а к труду свободному, освобождающему человека».

Вообще, писал Алексей Николаевич в 1975 г., как бы оставляя нам свое завещание, – «система образования должна сегодня формировать человека третьего тысячелетия».

Алексей Алексеевич Леонтьев – доктор психол. наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор филол. наук, академик РАО. Научный руководитель Образовательной системы «Школа 2100».